

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИИ И НА ВОСТОКЕ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.В. Синиченко,
профессор кафедры отечественной
истории и экономики
ФГОУ ВПО ВСИ МВД России,
д-р ист. наук

В статье рассматривается вопрос об экономических правах иностранного купечества в зоне «порто-франко» (свободной торговли) на востоке российской империи в XIX – начале XX вв. По мнению автора, региональная специфика законодательного регулирования деятельности иностранцев состояла в ограничении приложения иностранного капитала в горнодобывающей отрасли в пограничных областях и в создании режима благоприятствования в торговле, промысловых работах, на транспорте. Эти шаги были обусловлены малочисленностью российских предпринимателей и недостатком капиталов, а также необходимостью скорейшего заселения региона и создания экономической основы для дальнейшей российской колонизации. По мере хозяйственного освоения Дальнего Востока наблюдался переход к протекционистской политике, постепенно были введены некоторые ограничения для иностранного предпринимательства и иностранного труда.

In article the question on the economic rights of foreign merchant class in a zone "Rto-ex" is considered (free trade) in the east of the Russian empire in XIX – начале XX centuries According to the author, regional specificity of legislative regulation of activity of foreigners in region consisted in restriction of the appendix of the foreign capital in mining branch in boundary regions and in creation of a mode of preference in trade, trade works, on transport. These steps have been caused by small number of the Russian businessmen and a lack of capitals, and also necessity of the prompt settling of region and creation of an economic basis for the further Russian colonization. In process of economic development of the Far East transition to the protectionist policy was observed, some restrictions for foreign business and foreign work have gradually been entered.*

До отмены крепостного права иностранцы, как и российские граждане, могли заниматься торговлей, ремеслом и промышленностью только со вступлением в купеческое или мещанское сословие. Снятие этих социальных преград исследователь И.В. Поткина связывает с законами от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г., положивших начало отмене сословных ограничений для занятия торгово-промышленной деятельностью¹.

Но в действительности этот процесс начался несколько ранее. Первоначально последовала отмена ограничений для иностранцев, что уравнивало в правах российское и иностранное купечество. С 20 июня 1860 г. иностранцам было разрешено вступать во все купеческие гильдии наравне с российскими подданными и пользоваться всеми торговыми правами, предоставленными русскому купечеству. Исключение составляли иностранцы-евреи, которым дозволялось заниматься торговлей только по

* Sinichenko V.V. The economic rights of foreigners in Russia and in the east of empire in second half XIX – beginning XX centuries.

купеческим свидетельствам 1-й гильдии и только после получения разрешения министров финансов, внутренних и иностранных дел. По данному закону иностранцы получили право приобретать движимое и недвижимое имущество за исключением того, которым по действующему законодательству могло владеть только потомственное российское дворянство. Имущество иностранцев охранялось российским законодательством наравне с имуществом российских подданных².

Именно с принятием этого закона фактически было установлено равенство российских и иностранных подданных в предпринимательской деятельности.

Итак, в 1860 г. Александр II своим указом от 7 июня 1860 г. "О правах пребывающих в России иностранцев" предписал, что иностранцы, находящиеся в России как лично, так и по имуществу (понятие, применяемое для обозначения совокупности вещей и материальных ценностей, состоящих, прежде всего в собственности лица), получили права, какими пользуются русские подданные.

В состав имущества входили: а) деньги и ценные бумаги; б) совокупности вещей и имущественных прав на получение вещей или имущественного удовлетворения от других лиц (актив); в) совокупности вещей, имущественных прав и обязанностей, которые характеризуют имущественное положение их носителя (актив и пассив)³.

Иностранцы могли приобретать как через куплю, так и по наследству, завещанию, дарственную запись, отводом от казны и т.п. всякого рода движимое и недвижимое имущество⁴.

Статьи 830–835 Свода законов Российской империи в 60-х гг. XIX в. регламентировали четко права иностранцев, связанные с денежным значением: имущество, наследство.

В ч. I ст. 262 т. 10 Свода законов впервые в русском законодательстве с 1860 г. было дано понятие права собственности как права "исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным (имуществом) вечно и потомственно". Право собственности на землю для иностранцев определялось как право "на все произведения на поверхности ее, на все, что заключается в недрах ее, на воды, в пределах ее находящиеся, и, словом, на все ее принадлежности". Наряду с правом собственности защищалось право законного владения. Значительное место было отведено обязательственному праву, что вызывалось развитием товарно-денежных отношений. Договоры заключались по взаимному соглашению договаривающихся сторон. Предметом договора могли быть имущество или "действия лиц". Договоры можно было заключать как письменно, так и устно, но для некоторых договоров (займа, дарения, залога недвижимого имущества, поклажи и т.д.) требовалась письменная форма. Всякий договор, "правильно составленный", подлежал исполнению. Закон предусматривал следующие средства обеспечения договоров: 1)

поручительство, 2) неустойка, 3) залог недвижимого имущества, 4) заклад движимого имущества.

Закон 8 ноября 1860 г. также выделил те категории иностранцев, которые имели право свободного въезда на территорию России, пребывать в ней и получать подданство, а также категории тех, которые не имели такого права. Иностранцы, прибывавшие в Россию, обязаны были иметь паспорт своей страны, и получить вид (разрешение) на жительство на определенный срок. Высылка иностранцев из России также имела законодательную регламентацию. Такая высылка могла осуществляться как в административном, так и судебном порядке.

А вышеуказанные законы 1863 и 1865 гг. – это начало снятия сословных ограничений на право ведения торгово-промышленной деятельности, окончательно устраненных с принятием Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. Только тогда для иностранцев, равно как и для российских подданных, отпала необходимость приписки к купеческому сословию для занятия предпринимательством⁵.

Правда, в отношении иностранцев вышеназванные законы несли некоторые ограничения на протяжении всей второй половины XIX в. Так, согласно статье 177 Устава о промышленности иностранцам разрешалось открывать фабрики и заводы, а также получать патенты на изобретение без вступления в российское подданство. Вместе с тем исключение, продиктованное военными соображениями, составляли пороховые заводы. Согласно ст. 183 Устава торговые иностранцы имели одинаковые с российскими подданными права заниматься торговлей, морскими и речными перевозками. Исключение составляли морская торговля и каботажное плавание, разрешенные только российским подданным. В соответствии со ст. 830 Законов о состояниях (издания 1899 г.) за иностранцами признавалось право владения недвижимостью, в том числе землей, которую им разрешалось приобретать «как через куплю, так и по наследству, завещаниям, дарственным записям, отводам из казны и т.п.»⁶. Согласно ст. ст. 263, 432, 547 Устава горного принцип равенства российских и иностранных подданных действовал и в сфере горной промышленности: производство горного, золотого и нефтяного промыслов разрешалось лицам всех состояний без различия подданства⁷. При этом не надо забывать, что в дореволюционном законодательстве право на ведение промыслов не совпадало с правом на владение недрами и землями, на которых были расположены месторождения. Специальные законодательные акты вводили ограничения или запрещали владение недвижимостью и занятие некоторыми видами предпринимательской деятельности в пограничных регионах Российской империи.

В налогообложении и взаимоотношениях с учреждениями и частными лицами иностранные подданные не отличались от российских и подчинялись общим законам империи⁸.

Таким образом, основные законы, принятые или измененные во второй половине XIX в., создавали благоприятные условия для предпринимательской деятельности, вместе с тем они зафиксировали принцип равенства русских и иностранных подданных, в результате иностранцы приобрели почти полную свободу для занятия торговлей и промышленностью в России.

Что касается дальневосточного региона, то первые правовые нормы, регламентирующие здесь деятельность иностранных предпринимателей, появились в начале XIX в. Так, 5 апреля 1824 г. в Санкт-Петербурге между Россией и США была заключена конвенция, разрешившая американским и российским подданным в течение 10 лет «пользоваться беспрепятственно с полною свободою мореплаванием, производством рыбной ловли, и правом приставать к таким берегам, которые еще не заняты, для торговли с природными тамошними жителями», во всех внутренних морях, гаванях и бухтах Тихого океана. Но при этом иностранцам запрещалось продавать оружие и спиртные напитки проживавшим в русских пределах туземцам. А 16 февраля 1825 г. подобная конвенция была заключена российским правительством с Великобританией⁹.

Через десять лет привилегии американцам и англичанам были отменены, тем не менее модернизация страны после Крымской войны (1853–1856) стимулировала политику российских властей по изменению экономического статуса иностранных купцов в регионе.

В 1856 г. император Александр II постановил «разрешить беспошлинную иностранную торговлю в ...портах Приамурского края и острова Сахалина» на тех же условиях, которые предоставлены Камчатской области по 1860 г. на основании «высочайше утвержденного 23 февраля 1855 г. Положения Сибирского комитета». Извещение об этом законе «торгующего сословия» США предписывалось осуществить «негласно»¹⁰.

В соответствии с Положением Сибирского комитета, опубликованным 19 января 1859 г., иностранная беспошлинная торговля разрешена во всех городах и портах Приамурья. В декабре 1860 г. это положение было распространено и на порты, присоединенной к Российской империи в результате подписания Пекинского русско-китайского договора 1860 г. Приморской области¹¹.

Пекинским договором 1860 г. между Россией и Китаем также была установлена двусторонняя беспошлинная торговля вдоль границ Приамурья и Южно-Уссурийского края. В 1862 г. русский поверенный в Пекине Баллюкин подписал с китайскими уполномоченными правила, позволявшие русским купцам торговать в Монголии, а беспошлинная торговля вдоль границы была узаконена в пределах 50 верст по обе стороны от пограничной черты¹². Этими актами на российском Дальнем Востоке устанавливалась зона свободной торговли. При слабой заселенности, неразвитом сельском хозяйстве и отсутствии местного производства введение порто-франко

содействовало развитию региона и решало проблему снабжения населения продуктами питания и товарами первой необходимости. Существование на Дальнем Востоке порто-франко являлось важным условием привлечения иностранных торговцев и товаров в регион.

Итак, в 1861 г. в истории российской таможни на дальневосточных окраинах империи произошло важное событие. В связи с введением режима порто-франко в Приморье и 50-верстной полосе русско-китайской границы таможня была перенесена из пограничного города Кяхта за пределы таможенной линии в столицу Восточно-Сибирского генерал-губернаторства г. Иркутск.

В отличие от Восточной Сибири, где в отношении китайских товаров с 1861 г. действовал режим таможенного обложения, в Приморской и Амурской областях с 1856 по 1900 и с 1904 по 1909 г. существовал режим свободной торговли – «порто-франко».

Правовой базой, на основе которой иностранцы действовали в Приморской зоне международной торговли, стали как двухсторонние договоры России с Китаем – Айгуньский 1858 г., Пекинский 1860 г., так и нормы внутреннего законодательства:

1) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об оставлении на прежних основаниях торговли иностранными товарами в Приамурском крае и вообще Восточной Сибири, и о дозволении иностранным судам плавать под русским флагом от устья Амура до г. Софийска» от 8 декабря 1858 г.;

2) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О распространении на все порты Приморской области Восточной Сибири дарованных Приамурскому краю права свободной торговли иностранными товарами» от 22 декабря 1860 г.;

3) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О разрешении производства беспошлинной торговли иностранными товарами в портах Великого океана: Дуэ (Сахалин), Де Кастри, Владивосток и гаванях Св. Ольги и новгородской» от 25 декабря 1862 г.¹³

Эти постановления были внесены в Свод законов Российской империи на правах территориальных законов: ст. 193 Устава торгового (изд. 1857 г.), а также ст. 1531 «Свода законов о состоянии людей в государстве» (изд. 1859 г).

Однако постепенно российские власти стали бороться с режимом беспошлинной торговли. Уже в 1867 г. были обложены пошлиной иностранные суда, ввозившие спиртные напитки. В дальнейшем неоднократно вводились пошлины на различные иностранные товары, что являлось выражением протекционистской политики царского правительства.

В мае 1876 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири, поддержанной министром финансов, с иностранцев стали взимать акцизные

сборы, в том числе штраф за продажу табачных изделий без акцизной марки¹⁴.

Отметим, что по правилам для сухопутной торговли между Россией и Китаем 1862 г. предусматривалась свободная и беспошлинная торговля между русскими и китайскими подданными в 50-верстной пограничной полосе. Но в правилах не оговаривалось, от каких именно пошлин освобождались китайцы. Поэтому барон А.Н. Корф, принимая во внимание, что статья правил 1862 г. о беспошлинной торговле в пограничной полосе вошла в Свод законов Российской империи только в Таможенный устав, пришел к выводу, что китайцы, торгующие в этих пределах, освобождены только от таможенных пошлин, а торговые обязаны платить наравне с русскими купцами. В 1886 г. он отдал об этом соответствующее распоряжение по Приамурскому краю¹⁵.

В 1894 г. по распоряжению императора на Дальний Восток была направлена специальная экспедиция, возглавляемая тайным советником Н.П. Забугиным, для изучения вопроса введения там таможенного обложения. Экспедиция пришла к выводу, что отмена порто-франко в Приамурье является целесообразной. Выводы экспедиции легли в основу утвержденного императором 10 июня 1900 г. мнения Государственного совета об упразднении порто-франко.

Порто-франко отменялось: с 1 января 1901 г. по морской границе от устья Амура до южных портов Приморья вводилось таможенное обложение. На север Дальнего Востока и по сухопутной границе китайские товары по-прежнему шли беспошлинно¹⁶.

Однако принятие правительством такого решения породило множество проблем в экономике Приамурского края. Закрывание беспошлинной торговли на побережье и ее сохранение по границе с Китаем делало протекционистские меры, принятые российским правительством в дальневосточных областях неэффективными. Через приграничную 50-верстную полосу беспошлинной торговли в край попадали контрабандные товары.

В мае 1904 г. высочайшим указом в Приамурском крае был восстановлен режим беспошлинного ввоза иностранных товаров¹⁷.

Новый виток борьбы за отмену порто-франко начался в 1906 г., когда при министерстве торговли и промышленности было создано Особое совещание. В результате трехлетней межбюрократической борьбы 16 января 1909 г. последовало постановление Совета министров о принятии «Закона о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства и об отмене ст. 939 Устава таможенного».

Однако открытая торговля вдоль сухопутной границы продолжала действовать, и это порождало множество экономических проблем для

русских дальневосточных окраин (контрабанда товаров, невозможность конкуренции амурского зерна с маньчжурским и т.п.).

Поэтому 10 сентября 1912 г. Николаем II было утверждено положение Совета министров о продлении Петербургского российско-китайского договора 1881 г. на новое десятилетие и отмене с 1 января 1913 г. постановления о беспошлинной торговле на российской территории в пределах 50-верстной полосы вдоль границы¹⁸.

Таким образом, особенностью экономических прав иностранных предпринимателей в регионе было существование в крае режима беспошлинной торговли с перерывом с 1856 по 1913 г. Что же касается прав иностранных предпринимателей в промышленной и промысловой сферах, то существовала определенная специфика в правовом регулировании участия иностранцев в горной промышленности на Дальнем Востоке. На начальном этапе освоения при отсутствии значительных средств на разведку и разработку горных богатств региона как у казны, так и у частных лиц, местным и центральным властям решение проблемы виделось в привлечении иностранных капиталов. Утвержденными в 1887 г. «Правилами о частной горной промышленности на казенных землях» частный горный промысел в крае разрешался и иностранцам. Однако уже в 1892 г. иностранным подданным запретили горный промысел в Приморской области и на Сахалине. В Амурской области их участие в золотодобыче продолжалось. Видимо, после 1892 г. приток капиталов в горную промышленность уменьшился, правительство вынуждено было принять определенные послабления. Согласно указу от 6 июля 1895 г. Министерство земледелия и государственных имуществ по соглашению с МВД, Министерством финансов и Приамурским генерал-губернатором могли обратиться в Комитет министров с представлением о допуске иностранцев в виде исключения к занятию горным промыслом в Приморской области и на о.Сахалин. В соответствии с этим указом в 1895-1900 гг. горным промыслом разрешили заниматься целому ряду иностранных предпринимателей. За этот период 13 иностранных предпринимателей воспользовались этим примечанием, чтобы вложить капиталы в горную промышленность пограничного Приамурья¹⁹.

Впоследствии российские власти отходят от политики предоставления иностранным предпринимателям права на промышленные работы в регионе. Представление действовало только при условии принятия российского подданства.

Указом 17 июля 1901 г. в Приморской области была закрыта для частного горного промысла (как иностранного, так и русского) 100-верстная полоса по побережью, начиная от корейской границы; а Приамурскому генерал-губернатору разрешено в виде исключения удовлетворять ходатайства русских предпринимателей на занятие горным промыслом в пределах названных территорий²⁰.

На основании этого положения иностранным предпринимателям было запрещено заниматься в пределах 100-верстной территории горным, золотым и нефтяным промыслом (ст.ст. 257–259; 267 Устава горного 1906 г.). В других же местностях Приамурского края иностранцы приобретали земли для ведения промышленных работ не на правах частной собственности, а лишь пользования казенными землями. Они имели возможность лишь разрабатывать недра²¹.

Таким образом, они имели право на доход и право на продажу этого дохода, но не на продажу самих предприятий на правах частной собственности.

После русско-японской войны 1904-1905 гг. изменилась рыночная конъюнктура для добывающей промышленности русского Дальнего Востока. Иностранные предприниматели проявили интерес к дальневосточным источникам сырья и стали избегать юридических ограничений, выставляя в качестве официальных владельцев горнодобывающих компаний «зиц-председателей» российского подданства.

Так, формально бразды правления горно-промышленного общества «Тетюхе» находились в руках русских подданных: председателем был барон Г.Г. Венекен, членами – А.Л. Петерсон, И.И. Вольфлисберг, директором-распорядителем – Ю.И. Бринер, но его истинными хозяевами были германские капиталисты²².

Кроме Ленских приисков, иностранному капиталу удалось проникнуть и в другие предприятия горной и золотопромышленности. Так, при помощи Русско-Азиатского банка в 1909 г. в руки английского капитала перешло одно из крупнейших золотодобывающих предприятий Сибири – Охотская золотопромышленная компания. Большую заинтересованность в сибирской золотопромышленности проявлял американский капитал. Он проник на золотые прииски Ачинского округа²³.

Фактическое проникновение иностранных собственников в край под прикрытием фиктивных владельцев подтолкнуло Министерство торговли и промышленности выступить против ограничений для иностранного капитала в Приморской области и на острове Сахалин. Оно предлагало отменить положение о 100-верстной зоне и допустить туда российские акционерные общества открытого типа²⁴.

Эти предложения были одобрены Советом министров в заседании от 27 мая 1909 г.²⁵ (ст. ст. 307, 377 и 748 Устава горного 1912 г.)²⁶.

Согласно этим решениям доступ в местности Дальнего Востока разрешался только после получения разрешения Министерства торговли и промышленности, МВД, МФ и Приамурского генерал-губернатора (Примечание 1 к п. 6 ст. 267). Согласно примеч. 3 п. 6 ст. 267 Законов о состояниях иностранцам запрещалась золотодобыча и горные работы на юге Забайкальской области и по северной береговой линии Байкала²⁷.

Отличия от общероссийского законодательства в регулировании предпринимательской деятельности иностранцев в регионе существовали еще в ряде отраслей экономики. Особые правила, в частности, действовали в регионе в каботажном судоходстве. Согласно российскому законодательству (ст. 161 Устава торгового, изд. 1857 г.) каботажное судоходство в России составляло исключительное право российских подданных, но иностранцы на протяжении всей второй половины XIX в. перевозили российские грузы²⁸.

Российские власти не исполняли эти нормы законодательства, так как из-за отсутствия российских предпринимателей и судов в достаточном количестве исполнение закона привело бы к прекращению сообщения между населенными пунктами побережья и снабжения населения необходимыми товарами. Закон от 17 мая 1888 г. (вошедший в Свод законов издания 1892 г. в качестве ст. 344 т. 2) фактически разрешил существовавшее положение вещей. Приамурскому генерал-губернатору (в § 1 закона) было предоставлено право «...разрешать в крае, по мере необходимости, иностранный каботаж и облагать таковой особыми сборами» до тех пор, пока не разовьется российское прибрежное судоходство. Эти полномочия генерал-губернатору были даны на 10 лет, до 1898 г., однако впоследствии они несколько раз продлевались до 1908 г.

В связи с появлением в российском законодательстве статьи, разрешавшей иностранный каботаж на Дальнем Востоке России, генерал-губернатор А.Н. Корф 5 апреля 1889 г. учредил особые «Правила об обложении особым сбором иностранных судов, занимающихся каботажом на русском побережье Тихого океана». Согласно им иностранный каботаж облагался пошлинной в 40 коп. с регистрируемой тонны при плавании на линии Владивосток – Николаевск. При плавании из Владивостока (ближний каботаж) в порт Дуэ взималось 20 коп. с тонны²⁹.

Помимо парового каботажа иностранцы контролировали и рынок услуг парусного каботажа. За использование шаланды Владивостокские городские власти брали пошлину в 10 руб. в год³⁰.

С 1889 г. китайские джонки, занимавшиеся каботажом, были обложены особым платежом от 5 до 15 руб. с судна (в зависимости от тоннажа).

В 1908 г. после истечения очередных десяти лет, дозволявших по ст. 344 иностранцам право вести каботажные рейсы в крае, встал вопрос о характере деятельности иностранных перевозчиков на русском Дальнем Востоке. В 1909 г. состоялось совещание специальной комиссии Совета министров, на которой обсуждался вопрос «О дальнейшем сохранении в силе некоторых временных мер, касающихся допущения и каботажа в водах Приамурского края и обложения проживающих в нем китайцев и корейцев»³¹. Члены комиссии постановили дозволить каботажные перевозки на иностранных пароходах в единичных случаях, с особого разрешения Приамурского генерал-губернатора и сохранить иностранный парусный каботаж во Владивостоке³² до 1 октября 1913 г. Тогда должен был истечь

срок действия договоров российской администрации и иностранных судовладельцев по содержанию срочных сообщений в заливе Петра Великого между Владивостоком и заливом Св. Владимира, а также Императорской гаванью³³.

В марте 1913 г. Министерство путей сообщения (МПС) возбудило на межведомственном совещании под председательством Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти дело об ограничении числа иностранных подданных в составе команд на судах Амурской флотилии до 25 %. Дело в том, что на рубеже XIX – XX вв. по действовавшему тогда закону (ст. 197 Свода законов Т. 11; ч. 2. Устава торгового, изд. 1903 г.) на российских судах разрешалось предоставлять работу иностранцам, но не более 33 % от общего количества матросов. В то же время иностранные суда, занимавшиеся каботажем, набирали команду из китайцев и корейцев, японцев. Экономя на заработной плате матросов, владельцы судов могли предоставить своим заказчикам более выгодные условия³⁴.

Поэтому Государственная Дума постановила запретить набирать на парусные суда иностранцев в качестве матросов не более 25 % от общей численности команды. Надо отметить, что на 520 мелких судах, занимавшихся каботажем из 4 500 матросов китайцев было 2 000, следовательно, законопроект должен был частично сократить число китайских рабочих в крае³⁵.

В отношении российских паровых судов было принято решение временно до 1 января 1913 г. содержать не более 50 % иностранцев из машинной и палубной команды³⁶.

В октябре 1913 г. МВД удалось предоставить в Государственную Думу России законопроект об ограничении квоты иностранных матросов на русских судах до 25 %. Докладчиком по законопроекту выступил депутат Б.И. Кринский. После выступления докладчика финансовой комиссии по поводу проекта МТиП было принято решение с 1 января 1914 г. набирать команды на мелкие парусные суда исключительно из российских подданных³⁷.

Кроме этого, существовал в регионе облегченный режим пребывания для иностранных рабочих. Впервые юридическое разрешение на допуск иностранных рабочих в край дал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. В 1856 г. он запретил найм российских крестьян на приисковые работы (распоряжение было отменено только в 1907 г.), и стал привлекать на них китайцев (примеч. 2 к п. 5 прил. к ст. 661 Устава горного). Согласно российскому законодательству, а именно Уставу горному (ст. 259, прим. 267 ст. 417, прим 5, 557, ст. 661, изд. 1902 г.), а также ст.1033 Собрания законов Российской империи, изд. 1903 г. на протяжении второй половины XIX в. – начала XX в. иностранные подданные допускались к ведению горных работ «без всяких ограничений в правах во всех местностях Сибири, за исключением пограничных местностей, поименованных в п. 6 ст.315,

ст. 317, 318 и 593 Устава горного, изд. 1912 г.»³⁸. Эта привилегия действовала до издания 21 июня 1910 г. закона о недопущении иностранных рабочих на работы, производимые казной и на государственные предприятия.

Итак, российские региональные власти были заинтересованы в тех денежных поступлениях, которые они получали от иностранного каботажа. Именно поэтому местная администрация выступила инициатором введения и всецело поддерживала действие ст. 344 Учреждения сибирского, предоставлявшей иностранцам право осуществлять каботажные рейсы между российскими портами. Потребности растущего российского гражданского флота на Дальнем Востоке не позволяли российской администрации долгое время ввести правила, серьезно ограничивающие применение азиатского труда на российских судах, что также не соответствовало общеимперскому законодательству.

Кроме «особых прав» на горную добычу и каботаж в регионе для иностранцев (они были запрещены на территории всей России, но периодически разрешались на востоке империи), российские власти ввели ряд запретов для промыслов для азиатских подданных, что противоречило законам 60-х гг. о равных правах российских и иностранных предпринимателей.

В начале 80-х гг. XIX в. генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс решил обложить китайское и корейское население края земельным налогом. МВД России поддержало эти инициативы³⁹. На основании подзаконного акта китайцев Приморья также обложили поземельным налогом. Начальники военных участков с 1883 г. могли взимать по 5 руб. налогов с фанзовладельца (домохозяина) и по 3 руб. в год с каждого его работника⁴⁰.

По всеподданнейшему докладу Приамурского генерал-губернатора от 14 декабря 1894 г. региональной властью за предшествующее десятилетие производились с китайских подданных следующие сборы: они вносили сборы за добычу из леса; за право ловли рыбы, морской капусты, трепангов, раков и крабов; взимался сбор с иностранных судов за каботажные рейсы.

Налоги за проведение морских и речных промыслов взимались на основании правил, издаваемых Приамурским генерал-губернатором ежегодно. Каботажные сборы производились на основании правил Владивостокской думы от 1889 г. и ст.184 Торгового устава об обложении морских промыслов. Сбор с китайских рабочих на основании правил 1885-1886 гг., законодательно утвержденных 17 мая 1888 г. Государственным советом в виде ст. 344 Учреждения сибирского, лесные сборы производились по правилам 1863 г.⁴¹

Кроме того, согласно ст. 344, водился особый сбор с лошадей для извоза, принадлежащих китайцам и корейцам, в «видах облегчения конкуренции с ними русских извозопромышленников»⁴².

Тем не менее даже предпринятые шаги по обложению китайских предпринимателей косвенными налогами вызвали озабоченность китайской

стороны. Китайские власти в лице гиринского цзянь-цзюня с 1887 г. вели переписку с российской стороной об отмене налогообложения китайских промыслов в Приморской области. По мнению цинской администрации, налоговое обложение китайцев в России противоречило параграфам Пекинского договора 1860 г.⁴³

Итак, с 60-х гг. XIX в. иностранцы получили право приобретать движимое и недвижимое имущество за исключением того, которым по действующему законодательству могло владеть только потомственное российское дворянство. Имущество иностранцев охранялось российским законодательством наравне с имуществом российских подданных.

Региональная специфика законодательного регулирования деятельности иностранцев в регионе состояла в ограничении приложения иностранного капитала в горнодобывающей отрасли в пограничных областях и в создании режима благоприятствования в торговле, промысловых работах, на транспорте. Эти шаги были обусловлены малочисленностью российских предпринимателей и недостатком капиталов, а также необходимостью скорейшего заселения региона и создания экономической основы для российской колонизации. По мере хозяйственного освоения Дальнего Востока наблюдался переход к протекционистской политике, постепенно были введены некоторые ограничения для иностранного предпринимательства и иностранного труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поткина И.В. Законодательное регулирование... С. 21.
- ² См.: Позняк Т.З. Указ соч. С. 104.
- ³ Большой юридический словарь. Ст. 532.
- ⁴ Свод законов Российской империи. Т. 9. Ст. 830.
- ⁵ См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 35.
- ⁶ Поткина И.В. Законодательное регулирование... С. 22.
- ⁷ Там же. С. 23.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, датах, фактах. Вып. 2. Кн.1: Справочник. М.: Междунар. отношения. М.: 1995. С. 748–750.
- ¹⁰ Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII – 1917 г.). Хабаровск: ХГПУ, 2001. С. 55.
- ¹¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 52. К. 1653. Л. 20-21.
- ¹² См.: Международное отношение на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1. С. 108; Троицкая Н.А. Тоска о порто-франко: Из истории таможенной политики на русском Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 4. С. 48.
- ¹³ См.: Порто-франко на Дальнем Востоке: сб. документов и материалов / под ред. Н.А. Троицкой. Владивосток, 1998. С. 16–26.
- ¹⁴ См.: Нестерова Е.И. Система управления иммигрантами на Дальнем Востоке (1860-1884) // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 61, 62.
- ¹⁵ См.: Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск: ОмГУ, 1999. С. 166.

- ¹⁶ См.: Троицкая Н.А. Тоска о порто франко... С. 48-53.
- ¹⁷ Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII–1917 г.) С. 162.
- ¹⁸ См.: Позняк Т.З. Указ соч. С.108; Троицкая Н.А. Указ. соч. С.51; Она же. Русская дальневосточная буржуазия и северо-восточный Китай // РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 60.
- ¹⁹ См.: Слюнин Н.В. Современное положение Дальнего Востока. СПб.: Тип. МФ, 1908. С. 116.
- ²⁰ См.: Синиченко В.В. Воздействие иммиграционной политики России на социально-экономическое развитие Дальнего Востока страны (1856-1917). Иркутск, 2004. С. 100-101.
- ²¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 134. Л. 9.
- ²² См.: Орлов М.Н. Развитие цветной металлургии Восточной Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. // Промышленное развитие Сибири в XIX–начале XX вв. Иркутск: ИГПИ, 1989. С. 98.
- ²³ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. (1911-14). Оп. 487. Д. 766. Л. 108 об.
- ²⁴ Там же. Л. 108.
- ²⁵ Там же. Д.1054. Л. 2.
- ²⁶ Некоторые отечественные историки, например, А.В. Алепко, видят причину этого в том, что слишком небольшой промежуток времени до революции 1917 г. действовали эти законоположения.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1056. Л. 15.
- ²⁸ Там же. Оп. 491 (1902-1915). Д. 2755. Л. 124 об.
- ²⁹ Труды III Хабаровского съезда. Обработывал по поручению бывшего Приамурского ген.-губ. А.Н. Корфа агроном Н.А. Крюков. Хабаровск: Тип. М.А. Тыртова, 1893. С. 4.
- ³⁰ Слюнин Н.В. Указ. соч. С. 190–191.
- ³¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909-1917 гг. 1909 год. М.: Российская политическая энциклопедия (Росспон), 2000. С. 317-319.
- ³² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491 (1902-1915). Д. 2755. Л. 175-176.
- ³³ Там же. Л. 176 об.
- ³⁴ Примечания к стенографическим отчетам Государственной Думы IV созыва, сессия 1-я, 1912-1913 гг. Вып. 2. (№ 366–435). СПб., 1913. № 377.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1055. Л. 57.
- ³⁶ Там же. Л. 55-57.
- ³⁷ Там же. Л. 56.
- ³⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 134. Л. 7-8.
- ³⁹ См.: Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 61, 62.
- ⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Л. 140.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1086. Л. 84.
- ⁴² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 78. Л. 2.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1086. Л. 23–27.